

Спустя четверть часа створки автоматических ворот бесшумно разошлись. Пэй И выехал со двора и направил машину прочь от виллы.

Разумеется, своего Чжан-цзуна ему удалось утихомирить и заставить остаться дома. Иначе Чжан Шаочи первым делом рванул бы к письменному столу в кабинете, вытащил бы из ящика пистолет и ледяным тоном осведомился: «Где сейчас ваши Чэнь и Лянь? Хочу побеседовать с ними с глазу на глаз». Вид у него в тот момент был злобный — точь-в-точь взбешенный охотник, который вскидывает двустволку и шарит взглядом по кустам: «Где эти два лесных вепря? А ну, вылезайте, потолкуем...»

Ведя машину одной рукой, он подключился к закрытому каналу своего оперативника. Пэй И бесцеремонно ворвался в эфир, без лишних прелюдий разбудив девушку посреди ночи.

— Не Янь, говори мне правду, — потребовал он в микрофон. — Никакого вранья и умалчиваний. Что происходит на самом деле? Надеюсь, ты сейчас одна? Вэнь Юй больше не объявлялся?

— Нет, — отозвалась Не Янь. Голос её звучал устало и растерянno. — Глухая ночь на дворе, командир. Что случилось?

— Не Янь, скажи честно: ты скрывала от меня что-то по-настоящему важное? Жизненно важное? Сентябрь четырнадцатого года... Что я тогда делал? К тому моменту я уже расстался со своим мужчиной?

Вопросы посыпались из него как из пулемёта.

Командир редко обращался к ней по имени-фамилии. Обычно он обходился приторно-сладкими «детка» или «дорогая», воркуя в трубку вкрадчивым, бархатным голосом элитного жиголо. Официальный тон в его исполнении приравнялся к отборному мату.

— Не Янь? Отвечай! Куда ты пропала? — прикрикнул Пэй И.

— Почему вдруг такие вопросы? — замялась девушка. — Вы же вроде... помирились? И всё как прежде.

— Зубы мне не заговаривай. Отвечай чётко: что произошло двадцать пятого сентября две тысячи четырнадцатого года?

Не Янь запнулась. На том конце провода повисла тяжёлая пауза, нарушаемая лишь шорохом помех.

— Вы... сами не помните? На заданиях ведь всякое случается... Получили травму, тяжёлое сотрясение мозга, вот из памяти и стёрлось.

— Чушь собачья, — отрезал Пэй И. — Когда меня в Неаполе грузовиком переехало, вот тогда было сотрясение. И то я ничего не забыл. Будешь юлить — оформлю возврат руководству. Спишу из отдела к чёртовой матери, поняла?

— Командир, пощадите! — взмолилась вконец измученная Не Янь. — Спросите лучше начальника Ляня или начальника Чэня!

Пэй И смахнул набежавшую слезу и потёр зудящие от напряжения глаза.

— Мы ведь поженились... Провели церемонию. На самом краю света. В глухом местечке, где почти никого не было. Оставался всего один шаг.

Поверить в подобный абсурд казалось невозможным. И ведь это случилось с ним — человеком выдающегося ума и безграничного самолюбия! Сюжет дешёвой корейской дорамы, не иначе. Он едва не стал законным супругом, но умудрился прожить пять лет в полнейшем неведении. Мир определённо сошёл с ума.

— Нет, командир. Вы не поженились, — дрожащим от волнения и жалости голосом выдохнула Не Янь, не сдержав подступивших слёз. — По моим сведениям, с точки зрения закона вы оба до сих пор остаётесь завидными холостяками. Да, вы жили вместе, де-факто вели совместное хозяйство, но тогда... тогда до развязки не хватило совсем чуть-чуть. Церемонию прервали, брак так и не заключили. Формально вы не женаты! Я... я к тому, что прошлое лучше оставить в прошлом. Вы ведь можете сыграть свадьбу ещё раз, верно?

Перед глазами расстилалось бескрайнее море огней, в котором тонули отблески фар и уличных фонарей. Каждый осколок прошлого, пробиваясь сквозь пелену забвения, оставлял в его душе неизгладимый след.

Последние пять лет он то и дело выслушивал чужие жалобы. Родные, особенно младший брат, в один голос твердили: глава кинокомпании «Цзяхуан» — сущий дьявол, огнедышащий тиран. Вспыльчивый, непредсказуемый, вечно хмурый. Он никого не жаловал добрым словом, а уж при виде счастливых влюблённых парочек и вовсе багровел от злости, словно все нежные союзы мира задолжали семейству Чжан по меньшей мере пару миллиардов.

И Пэй И искренне недоумевал: с чего бы это? Кто ему задолжал?

Теперь же его сердце сжалось от невыносимой тоски. Единственным должником Чжан Шаочи — тем, кто задолжал ему океан нерастраченной нежности и преданности, — был он сам. И никто другой. Чувство вины перед любимым человеком душило его. Пэй И не знал, подарит ли ему судьба шанс исправить совершенные ошибки и искупить вину.

Ночной город погрузился в сон. Улицы опустели, и лишь цепочки дорожных фонарей молчаливо застыли вдоль обочин, провожая взглядом его машину.

Пэй И мчался на предельной скорости. Вскоре он свернул во двор неприметного жилого комплекса — стандартной шестиэтажки из красного кирпича — и приложил специальное удостоверение к считывателю на воротах.

Проникнуть в подъезд оказалось непросто. Яростный трезвон домофона разбудил бы и мёртвого. Пэй И непрерывно жал на кнопку вызова и требовал впустить его с таким напором, что перепуганная охрана комплекса примчалась на место в полном составе.

Если бы начальник Чэнь вздумал затаиться, упрямый командир без колебаний устроил бы под окнами его квартиры персональный концерт: три часа ночи — самое время для армейской побудки или разухабистых песен для уличных танцев.

Чэнь Хуань, чьи травмированные пальцы всё ещё стягивали тугие бинты, только-только вернулся домой после выписки и бесконечной бумажной волокиты, как на пороге вырос разъярённый подчинённый. Деваться хозяину было некуда.

Пэй И действовал молниеносно, не давая руководству ни единого шанса ускользнуть. Встроенный в горло ларингофон служил отличным средством слежения, но на этот раз оперативник двигался быстрее любых донесений связистов. Наклеенный на висок пластырь слегка зудел, напоминая о недавней травме.

Впрочем, первая вспышка слепой ярости уже угасла. Сейчас Пэй И был предельно хладнокровен — он пришёл предъявить старому другу и наставнику счета за прошлое.

Заместитель начальника отдела выглядел так, словно готовился отражать штурм. Тяжело опустившись на диван, он обрёл выражение лица человека, который давно ждал неминуемой расплаты и теперь наконец дождался.

— Сяо Пэй, — упавшим голосом заговорил Чэнь Хуань. — Мы ведь... никогда не неволили тебя. Ты всё решал сам.

Пэй И в упор посмотрел на человека, который долгие годы заменял ему дядю.

— Мои воспоминания искажены. Что вы со мной сделали в тот год?

— Да ничего мы насильно не делали! — Чэнь Хуань схватился за голову. Мозг замначальника, в отличие от его подчинённого, не содержал никаких кибернетических имплантов, но сейчас готов был взорваться от мигрени. Сладить с этими сорвиголовами становилось решительно

невозможно: чем талантливее агент, тем невыносимее характер.

— Сяо Пэй, — развёл руками Чэнь Хуань, пытаясь оправдаться. — Каждый шаг ты делал добровольно. На любое хирургическое вмешательство, на каждую процедуру у меня есть твоё письменное согласие с личной подписью и отпечатком пальца. Хочешь поднять архивы и проверить всё по пунктам?

Пэй И сцепил пальцы в замок и подался вперёд:

— И я сам согласился на... это?

— Ты сам разрывался на части, — хрипло отозвался Чэнь Хуань. — Боялся увязнуть в этих чувствах ещё сильнее. Ты ведь сам хотел разорвать связь с Чжан-цзуном.

«Но почему? Зачем мне это было нужно?»

— Служба на передовой — это вечная игра со смертью, хождение по краю бездны, — лицо Чэнь Хуаня стало предельно серьёзным. — Немногим под силу связать свои жизни воедино и делить одну судьбу на двоих, как это сделали в своё время господин Чу и Сяо Хо. Мы не лезли в твои личные дела, пока вы оставались просто любовниками. Но никто не ожидал... и ты сам в первую очередь, что господин Чжан отнесётся к этому настолько серьёзно. Мы оказались не готовы к такому повороту. Кто же знал, что он внезапно преподнесёт тебе кольцо и потребует немедленно пожениться? За три дня устроить совместную жизнь... Ты и сам прекрасно понимал, что это неосуществимо. Твой статус, подписки о неразглашении, государственные тайны, постоянные миссии... Тебе пришлось выбирать. Никто не собирался заковывать тебя в наручники и силой тащить в лабораторию. Ты сам принял решение отступить.

Пэй И опустил голову и закрыл лицо руками. Казалось, привычный мир рушится и утекает сквозь пальцы вместе с волной нахлынувших чувств. Тогда он походил на слепого, неистового неопита. Людям свойственно совершать ошибки и терять близких, чтобы только потом, оглянувшись назад, осознать истинную ценность того, от чего они так легкомысленно отказались.

— И что теперь у меня в голове? — тихо спросил Пэй И, вернув себе внешнее спокойствие. — Чип искажения памяти? Или встроенная бомба на случай неповиновения?

— Ну что ты, — Чэнь Хуань покачал головой. — Никаких чипов, и уж тем более бомб. Мы действительно подозреваем, что синдикат, подчинивший себе Вэнь Юя, использует зарубежную разработку нескольких лет давности — «Брейн Твистер», тот самый чип искажения памяти. Но мы никогда бы не пошли на причинение вреда твоему здоровью. Специалисты из 503-го научно-исследовательского института давно освоили передовую технологию бесконтактной нейромодуляции. Они лишь точечно скорректировали память: заблокировали и заместили короткий отрезок воспоминаний длиной в несколько месяцев. Никакого физического вмешательства или долгосрочных повреждений.

Пэй И молча кивнул. Почувствовав облегчение, Чэнь Хуань поспешил добавить:

— Если не веришь, мы можем прямо сейчас запросить личное дело из архива. Там лежит бумага с твоим автографом.

— Надо же, как я с собой поступил, — Пэй И горько усмехнулся и отрешённо качнул головой. — Словно ластиком стёр несколько месяцев жизни. Просто взял и вычеркнул собственные чувства.

— Должно быть, ты любил его слишком сильно и не желал ломать ему жизнь, — произнёс наконец Чэнь Хуань то, что давно следовало признать. — Ты просто берёг его, Сяо Пэй.

Говорил ли Чэнь Хуань чистую правду? Пэй И давно отучился безоглядно верить людям. Клеймо профессиональной деформации — не доверять никому.

Чжан Шаочи оставил ему лишь ключ и номер банковской ячейки. Никаких объяснений не потребовалось — Пэй И должен был увидеть всё своими глазами.

Его возлюбленный отличался редкой практичностью и даже некоторой прижимистостью: дорогие часы и фамильные драгоценности он предпочитал держать под замком в банке. Именно поэтому тщательный обыск на вилле не принёс результатов. Ранним утром Пэй И переступил порог финансового учреждения. Спустившись в подземное хранилище, он открыл стальную дверцу ячейки и замер перед вещами, которые его жених бережно хранил последние пять лет.

На дне лежала синяя бархатная коробочка, в которой покоилась пара мужских обручальных колец, украшенных лаконичной дорожкой из бриллиантов. Никакой вычурности и безвкусных гигантских камней — строгий, элегантный дизайн. На внутренней стороне ободков изящной вязью были выгравированы их фамилии, соединённые тонкой стрелой Амура.

Дата на прикреплённом к коробке ярлычке не оставляла места для сомнений: сентябрь две тысячи четырнадцатого года. Тот самый месяц, скрытый в тумане забвения, — золотая осень в вечном городе Рима.

Рядом с коробочкой лежал пухлый конверт из плотной крафтовой бумаги с фотографиями. Должно быть, хранить их дома Чжану было слишком больно, а сжечь не поднялась рука, вот он и спрятал эти сокровища в сейф, словно редкие музейные экспонаты, завещанные далёким потомкам.

Устроившись прямо на полу хранилища, Пэй И разложил снимки вокруг себя. С глянцевого бумаги на него смотрели двое безумно влюблённых мужчин. Эти «досвадебные» кадры, полные

нежности и откровенной чувственности, воскрешали в его сознании крупиты стёртого прошлого. Он перебирал их один за другим, заново собирая мозаику своей жизни.

Губы невольно раздвинулись в улыбке, хотя в носу предательски закололо, а к горлу подступил тёплый ком.

На побережье Средиземного моря не осталось, кажется, ни одного мало-мальски известного места, где бы они не отметились бесстыдными селфи. Снимки так и дышали безумием: объятия на крышах небоскрёбов, поцелуи на краю головокружительных обрывов. Вот на одном из фото Пэй И запрыгнул на Чжана, обхватив его ногами за талию, и хитро косился в объектив прямо во время жаркого поцелуя. На другом — они дурачатся и хохочут, счастливые и беззаботные, словно дети.

Каким же слепцом он был! По собственной глупости отверг то, что могло стать главным смыслом его существования, а потом годами упивался жалостью к себе, считая себя вечным скитальцем, ненужным сиротой в холодном мире.

«Заставил же я тебя ждать... Все эти годы ты надеялся, что упрямый дурак, напичканный электроникой, опомнится и вернётся. Каким же идиотом я был. Брат, я всё вспомнил. Я вернулся к тебе».

Едва командир Пэй вышел на залитую солнцем улицу, его тактические смарт-часы тихо завибрировали, поймав зашифрованный сигнал. Агент принял вызов, надеясь услышать голос Ли Ханьцзяна. Отодвинувшись от хлынувшего по тротуару людского потока и встав спиной к проезжей части, он взглянул на экран. Отправителем значился совершенно незнакомый абонент.

* «Мой дорогой Пэй, теперь тебе известна вся правда. Наконец-то ты понял, как жестоко обошлись с тобой эти люди. Они лгали тебе, использовали в своих целях, выжимали досуха, чтобы потом хладнокровно уничтожить — точно так же, как когда-то подставили твоего отца. Я пришёл, чтобы спасти тебя».*

Пэй И стоял в самом сердце оживлённого мегаполиса, на Второй кольцевой автостраде Яньчэна. Шум бесконечного потока машин давил на уши. Агент затаил дыхание, сканируя толпу и переулки быстрым, намётанным взглядом в поисках любого подозрительного движения.

Охранник у дверей банка...

Дворник, лениво метущий тротуар на противоположной стороне...

Припарковавшийся у перекрёстка патрульный автомобиль с выключенными проблесковыми маячками...

Мимо нескончаемой лентой летели автомобили. Жизнь огромного города подчинялась своему привычному, стремительному ритму, создавая иллюзию абсолютного покоя. Но за этим фасадом скрывалось нечто зловещее. Пэй И чувствовал себя загнанным зверем: любой случайный прохожий казался ему скрытым наблюдателем, а каждый устремлённый на него взгляд — объективом шпионской камеры.

Он снова отвернулся к стене здания и, быстро набрав ответ, отправил сообщение:

* «Где Вэнь Юй? Верни его мне. Я хочу, чтобы он был в безопасности».*

Бессмысленно было тратить время на расспросы в духе «кто ты». Всё равно честного ответа не дождёшься. Командир Пэй сразу перешёл к делу, выставляя свои условия.

Ответ пришёл мгновенно:

* «Жалеешь его? Считаешь меня чудовищем? Напрасно, я не причинил Вэнь Юю вреда. Я лишь сотворил с ним то же самое, что эти ублюдки сотворили с тобой пять лет назад. Жутко, правда?»*

Пэй И наяву представил лицо своего невидимого собеседника: налитые кровью глаза, дрожащие от ярости пальцы, яростно бьющие по клавишам. Гнев, копившийся годами, едва не сочился из экрана. Незнакомец явно злился на его слепую верность системе, на нежелание открыть глаза.

«Ну и безумец, — мысленно восхитился Пэй И. — Но какой же расчётливый и изощрённый ум! Решил раскрыть мне глаза столь экстравагантным способом».

Это подействовало лучше любого ушата ледяной воды. Теперь он действительно очнулся. Противник оказался фигурой поистине гроссмейстерского масштаба — достойным соперником для него самого и его шефа Ли Ханьцзяна.

* «Вэнь Юй ни в чём не виноват, оставь его в покое. Отпусти парня, и я пойду с тобой...»* — Пэй И набрал эти строки, но вовремя остановился. Что-то было не так. Стерев написанное, он тщательно взвесил каждое слово и набрал новый текст:

* «Мне невыносимо здесь находиться. Я не смогу простить им этого предательства. Ты поможешь мне сбежать?»*

Затаив дыхание, он нажал кнопку отправки. Сообщение улетело в эфир. Пауза затянулась. Пэй И лихорадочно перебирал в голове варианты, пытаясь понять, где допустил промашку. Видимо,

наживка не сработала, и завоевать доверие этого психопата с ходу не удалось.

Доверие — непозволительная роскошь в их ремесле. Он и сам сейчас находился в том состоянии, когда верить нельзя абсолютно никому. Любое слово, произнесённое вслух, любой сеанс связи фиксировался аппаратурой слежения, архивировался и анализировался. Его собственное руководство не спускало с него глаз.

Пэй И коротко постучал по корпусу наушника. По каналу побежал тихий треск — серия условных сигналов из трёх длинных и двух коротких импульсов улетела к его оперативной группе.

* «Общий сбор. Время пришло. Начинаем работу».*

<http://bllate.org/book/19434/1999056>